

Взгляды Фридриха Эберта на профессию библиотекаря

Так повелось в человеческой истории, что одни люди становятся знамениты при жизни и остаются в памяти далеких потомков, а другие — играют свою не всегда заметную общественную роль, являясь необходимым фоном исторического периода. Как правило, в последнем случае приходится иметь дело с личностями, которые являются выдающимися, известными в рамках некоей предметной области или сферы деятельности. Как раз к таким людям и относится Фридрих Адольф Эберт.

В отечественных публикациях советского периода деятельность и взгляды Фр. А. Эберта оценивались неоднозначно и в некотором смысле однобоко. Так, О.И. Талалакина в своем известном учебнике по истории библиотечного дела за рубежом говорит, что каталоги в Дрезденской библиотеке были составлены «по сложной и очень запутанной системе Эберта. Пользоваться ею было очень трудно» [1, С. 78]. Там же автор, если исходить из контекста, сравнивает Эберта с М. Шреттингером из Мюнхенской библиотеки и явно отдает предпочтение последнему. А в труде К. Р. Симона Эберту отводится гораздо больше места, вплоть до освещения его биографии [2, С. 315–317]. Автор называет Фридриха Адольфа Эберта «крупнейшим немецким теоретиком библиографии» [2, С. 27] и довольно подробно анализирует его труд «Всеобщий библиографический словарь», справедливо полагая, что Эберт в данном труде ориентировался на потребности квалифицированного читателя и отбирал наиболее ценную, с такой точки зрения, литературу [2, С. 200, 328–330].

Для справедливости обратимся к немецкой, в первую очередь справочной литературе. Новейшее из доступных нам издание Брокгауза 1999 г. обходит вниманием личность Эберта. Даже такое узкоспециальное издание, как «Словарь общего книговедения», ограничивается следующей краткой справкой: «Фридрих Адольф Эберт, родился 9.7.1791 в Таухе, умер 13.11.1834 в Дрездене, где работал главным библиотекарем королевской библиотеки. Главное произведение «Всеобщий библиографический словарь» в двух томах (1821–30 гг.) представляет собой отбор научно-значимых трудов до 1819 г. с ценными комментариями» [3, С. 459]. В данной словарной статье приведены также сведения о других произведениях автора, но лишь в назывном порядке. Наконец, отличный по поисковым возможностям «Энциклопедический словарь Мейера» дает следующие сведения: «Фр. Адольф Эберт ... немецкий библиотекарь и библиограф. Был в 1814–23 гг. секретарем

королевской библиотеки в Дрездене, с 1820 г. являлся соавтором Г.Г. Пертца [4] в труде *Monumenta Germaniae historica*, в 1823–25 гг. — библиотекарь в Вольфенбюттеле, в 1825–34 гг. — руководитель, директор королевской библиотеки в Дрездене. Эберт выступал за самостоятельность библиотечной профессии и дополнил библиотечное учение об управлении библиотекой» [5, С. 380].

Таким образом, по отношению к профессиональным интересам Эберта вполне подходят слова Парацельса, что «с ними было, как с тем деревом, которое двояко привито и приносит белые и желтые ягоды» [6, С. 225]. В первой половине XIX в. было далеко не самоочевидно, что библиотекарь являлся одновременно и библиографом, равно как и наоборот. В наибольшей степени такое сочетание библиотечной и библиографической сфер интересов Эберта, т. е. то, что теперь называется библиотечно-библиографической деятельностью, проявляется в его работе «Die Bildung des Bibliothekars». Она и является предметом рассмотрения в данной статье.

К.Р. Симон в своем труде дает такой перевод заглавия — «О формировании библиотекаря» [2, С. 317]. С нашей точки зрения, это не слишком удачно, так как придает налет некоторой пассивности действию и вызывает смещение смысла в сторону результата действия. Из самой работы Эберта, а также ее критического разбора в немецких публикациях такого вывода не следует, напротив, речь идет о процессе, который совершается в сознании библиотекаря при его активнейшем участии, а кроме того постоянно упоминаются знания, умения, навыки, необходимые этому библиотекарю. Поэтому лучше перевести заглавие, как «Об образовании библиотекаря», так как русское многозначное слово «образование» вполне соответствует границам, глубине и объему немецкого термина «Die Bildung».

В предисловии к работе Эберт выражает надежду на то, что молодые люди смогут оценить профессию, «в которой я ежедневно нахожу высшее счастье моей жизни и деятельности» [7, С. 3], а также обещает, что эта работа не будет учебником по библиотечному делу, так как «я стремился к отказу от всей мудрости теорий» [7, С. 4].

Рассматривая современный ему общественный прогресс, Эберт приходит к выводу, что общество не замечает изменений, вносимых жизнью в профессию библиотекаря: «Деятельность библиотекаря принадлежит сейчас более последующему времени, для которого он должен быть верным и понимающим хранителем; его связь с окружающим совре-

менным миром является большей частью чисто механической. Для последующего времени он собирает из своего и более раннего времени то, что после зрелой и непредвзятой проверки отобранного почитает ценным, и для него, согласно принципам, чья стойкость удостоверена последующим временем, он упорядочивает то, что собрал» [7, С. 8–9]. Сложный стиль Эберта не мешает, однако, понять, как мало прибавилось в понимании сущности библиотечной профессии за истекшее время.

Между тем изменения очевидны: «С меняющимся духом исследований, с преобладающим сейчас стремлением к собственным и независимым изысканиям и свободному творчеству, со всеобщим устремлением перерабатывать то, что раньше лишь собиралось, наконец, с возникновением множества литературных произведений он [библиотекарь] перестал быть оракулом для зрелых и юных, каковым был всегда» [7, С. 7]. Впрочем, это положение не снимает, а только обостряет проблему, известную еще Теодору Моммзену: должен ли библиотекарь «делать другим лишь кирпичи или сам и дома строить» [8, С. 75]. Хотя определенности в суждениях на эту тему нет и по сей день, но тенденции уже видны. Для демонстрации приведем всего одну цитату, достаточно четко отражающую отношение современного общества, науки, образования, культуры и различных социальных институтов к современной и будущей роли библиотекаря. Это слова Хосе Ортеги-и-Гассета: «Я представляю себе библиотекаря будущего как фильтр между человеком и потоком книг» [8, С. 135].

Для того чтобы соответствовать изменяющимся потребностям общества, библиотекарь должен иметь соответствующее образование, которое «только тем отличается от изучения иных отраслей знания, что подготовка должна быть одновременно насколько возможно всеохватной и разносторонней» [7, С. 11]. Среди предметов, необходимых для образования библиотекаря, Эберт выделяет:

1. «Основательное изучение греческого и латинского языков, которого не может упустить ни один ученый. Но библиотекарь должен в то же время вполне понимать французский, итальянский и английский язык. Вероятно, менее чем через полстолетия ему необходимы будут равно испанский и португальский...» [7, С. 11]. Заметим, что написано это было в 1820 году.

2. «Тем более необходимым ему является серьезное и глубокое изучение истории — в ее высоком понимании науки всех наук, основы и правила любого истинного учения, самой жизни, наконец, — и это ему тем необходимей, чем более все его положение является историческим» [7, С. 12]. Историческим называет Эберт положение библиотекаря с той точки зрения, что тот работает на будущее, но в то же

время оценивает все произведения с позиций современного, настоящего времени. Такое значение и понимание истории навеяно многовековой традицией, когда, например, Дионисий Галикарнасский определял историю как философию из примеров [9, С. 219], а Лукиан из Самосаты как бы дополнял это определение тем, что «история имеет лишь одну цель, которая заключается в том, чтобы быть полезной ввиду правдивости. Если же это возможно соединить еще и с приятностью — тем лучше!» [9, С. 220].

3. Эберт считал, что «предпочтительную часть этих подготовительных занятий занимает, однако, история литературы и библиография...» [7, С. 13]. Чтобы пояснить, что имел в виду автор под библиографией, приведем здесь его цитату из «Всеобщего библиографического словаря»: «Труд [10] заслуживает еще и сегодня внимания хотя бы за то, что пробуждал изучение истории литературы в Германии» [8, С. 110–111]. Следовательно, библиография тех лет была, в сущности, широким и разносторонним знанием о книжном деле в целом. Кроме того, библиотекарь должен понимать во вспомогательных исторических дисциплинах — дипломатике, археологии, а также в искусстве, особенно в сфере гравюры по меди и дереву [7, С. 13].

4. Завершаться круг «штудий» библиотекаря должен энциклопедией, но не затем, «чтобы суетно и самодовольно болтать обо всем, от кедра в Ливане до иссопа, ползущего по стене, а затем, чтобы выработать в себе одинаковое внимание и одинаковый интерес к любому предмету человеческих знаний...» [7, С. 14].

Замечательно, что среди умений библиотекаря Эберт выделяет, в первую очередь и исключительно, память, а затем добавляет разборчивый и быстрый почерк и навыки механической, рутинной работы [7, С. 14–15].

«Чего же теперь возможно добиться с этими знаниями и умениями? Совсем ничего, — и это не может говориться достаточно часто, — кроме возможности стать пригодным библиотекарем. Они есть только предварительные знания, и также как юрист даже с самой основательной университетской подготовкой еще не является хорошим практикующим юристом, настоящим законником, так и те знания дают не больше, чем бравого и усердного литератора» [7, С. 16]. Несомненно, что во главу угла Эберт ставит не образование, а личностные, моральные качества библиотекаря [7, С. 51], его склонность к библиотечной работе, «любовь к своему предмету и кругу работ как таковым» [7, С. 56]. Иоганн Вольфганг фон Гете по этому поводу сказал, что «мы должны возделывать наши качества, а не наши особенности» [8, С. 85]. Образование для библиотекарей должно расцениваться как процесс, продолжающийся в течение всей жизни субъекта [11, С. 37].

Далее Эберт предупреждает новичка в профессии об опасностях, которые, если рассудить здраво, живы и поныне: «В библиотечном деле есть два равно опасных ложных пути: мертвая, грубая механика (беспорядочная и нерегулярная расстановка книг и жесткая их фиксация к определенной полке, даже к определенному месту на этой полке) и сверхтонкая теория (хитроумное и непрактичное систематизирование)» [7, С. 18 – 19]. Любопытно, что в отличие от О.И. Талалакиной, высоко ставящей авторитет М. Шреттингера, Эберт относит его скорее к теоретикам, когда говорит, что в его учебнике библиотековедения заключаются «отдельные золотые крупички практического опыта...» [7, С. 19].

Затем следует длинный пассаж, изобилующий фамилиями, географическими названиями из всей Европы, датами и пр., где Эберт рассуждает о каталогах в Германии, принципах их организации, ведения и всем том, что сегодня входит в понятие «система каталогов и картотек» библиотеки. Предварительный вывод автора неутешителен: «Сейчас дело обстоит таким образом, что каждая немецкая библиотека имеет свою, когда хорошую, когда плохую, схему и никакой библиотекарь не может ничего найти в библиотеке другого» [7, С. 25]. Но Эберт не остановился на указании такого слабого места в библиотечном деле, как каталоги и расстановка фонда, но последовательно, логично и достаточно убедительно привел свои соображения и поделился практическим опытом по организации каталогов и фондов [7, С. 26–39]. Вскользь отметим здесь превосходную математическую логику Эберта при присвоении шифров хранения книгам, когда автор способен «включить между 13 и 14 не меньше, чем 625 книг» [7, С. 39].

«Внимательное чтение описаний библиотек и прилежные посещения библиотек его местности будут, наконец, последним камнем подготовительного библиотечного образования того, о котором мы говорим» [7, С. 39–40]. Эберт советует также интересоваться историей своей библиотеки, ради чего следует приложить все усилия, руководствуясь девизом: «Ищите и обрящите» [7, С. 51].

В конце концов после подобного образования библиотекарь руководствуется гуманистическим и христианским принципом: «Aliis inserviando consumer» [12]; не для себя, но для других должен он работать...» [7, С. 55]. А то, что для такого принципа необходимо должное образование, кроме моральных качеств личности, засвидетельствует епископ Ансельм Кентерберийский: «Книга в руке незнающего так же опасна, как меч в руке ребенка» [8, С. 157]. В противном случае, по мнению Эберта, происходит следующее: «Или мы уже не имеем в наше время, куда ни глянь, довольно эгоизма, и должны ли основанные нашими отцами для всеобщего использова-

ния учреждения потерять цель, без которой они сами и все затраченные на них вложения и усилия будут совершенно не нужны и излишни?» [7, С. 58].

Хорст Кунце в послесловии к данной книге пишет, «что он рассматривал свою библиотечную работу как призвание. Так он стал энергичным начинателем борьбы за положение библиотечной профессии... Библиотеки требуют мужчин, — о женщинах Эберт, разумеется, еще не думал, — которые не только хотят, но и в состоянии посвятить все свои силы библиотечному труду» [7, С. 4].

ЗаклЮчить наше рассмотрение деятельности Фридриха Адольфа Эберта и его работы «Об образовании библиотекаря» хочется цитатой из профессиональной информации XIX века, которая, как кажется, точно и кратко передает дух профессии библиотекаря-библиографа. Вот она: «Как бы там ни было, но кандидат в библиотекари еще много лет спустя после того, как он окончил университет, должен будет вставать на ноги, и дольше, чем в некоторых других профессиях, длится время ожидания и вздохов» [8, С. 131].

Литература и примечания

1. Талалакина О.И. История библиотечного дела за рубежом. / О.И. Талалакина — М.: Книга, 1982. — 272 с.
2. Симон К.Р. История иностранной библиографии / К.Р. Симон / Акад. наук СССР, Фундамент. 6-ка обществ. наук. — М.: Изд-во ВКП, 1963. — 735 с.
3. Lexikon des gesamten Buchwesens / Hrsg.: K. Löffler, J. Kirchner. — Leipzig: Karl W. Hiersemann, 1935. — Lieferung 3: Canibus-Endter. — S. 321–480.
4. Георг Генрих Пертц (1795–1876) — немецкий историк, библиотекарь и архивист.
5. Meyers zyklopadisches Lexikon: In 25 Bd. / Bibliogr. Inst. — Mannheim etc., 1980. — Bd. 7: Div-Eny. — 888 s.
6. Сперанский Н. Ведьмы и ведовство / Н. Сперанский // История инквизиции. Средневековые процессы о ведьмах / Сост. А. Н. Гопаченко. — М.: АСТ; Фолио, 2001. — 228 с.
7. Ebert F.A. Die Bildung des Bibliothekars / F.A. Ebert / Nachw.: H. Kunze. — Vollständige Faks. — Ausg. der 2. Aufl. von 1820. — Leipzig: Otto Harrasowitz, 1958. — 68 vi S.
8. Rost G. Der Bibliothekar: Schatzkammerer oder Futternknecht? / G. Rost — Leipzig: Ed. Leipzig, 1990. — 200 S.
9. Alian. Bunte Geschichten. — Leipzig: Reclam-Verl., 1990. — 277 S.
10. Речь идет о «Полигисторе» (1688–1692), составленном Даниэлем Георгом Моргофом, немецким правоведом и библиотекарем.
11. Libraries and the future: Essays on the libr. in 21st century / Ed.: F. W. Lancaster. — New York: The Haworth Press, 1993. — 195 p.
12. Здесь Фр. А. Эберт, как всегда, свободно и к месту употребляет латинское выражение, оно означает: «служба другим, сгораю».